

ПРОТОИЕРЕЙ ГРИГОРИЙ МОЗОЛЕВСКИЙ
КНИЖНИКИ И ФАРИСЕИ¹

Евангелия с предельной ясностью говорят нам о том, что во время земной деятельности Господа Христа самыми лютыми и непримиримыми противниками Его были книжники и фарисеи. С такою же ясностью они говорят нам и о том, какое положение среди еврейского народа они занимали в это время: они сидели на Моисеевом седалище². Как некогда Моисей был вождем еврейского народа, вывел его из земли египетской, организовал его религиозно-нравственную и общественную жизнь, а потом тщательно контролировал ее, такую точно роль исполняли теперь книжники и фарисеи. Это были вожди еврейского народа³, также тщательно и неусыпно контролировавшие религиозно-общественную жизнь его⁴.

Как только зажглась заря нового христианского дня⁵ (а зажглась она в тот час и день, когда на Иордане раздался мощный призыв Иоанна Крестителя: «*Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*»⁶), множество народа устремилось к Иоанну, чтобы креститься у него. Тотчас поспешили туда и книжники, и фарисеи, однако они не крестились и ограничились только ролью посторонних наблюдателей⁷; цель визитации их была совсем другая: они, непререкаемые⁸ авторитеты в вопросах религии, должны были установить, что это за пророк, от Бога ли он или сам от себя, так как простой народ уже считал его подлинным пророком Божиим⁹. Долго ломать им головы не пришлось, скоро они объявили, что это ни в коем случае не посланник неба, что в нем бес¹⁰.

¹ Статья является кратким изложением основных идей монографии: Григорий Мозолевский, *свящ. 1896*. — Примеч. ред.

² Мф. 23, 2.

³ Мф. 15, 14.

⁴ См.: Ин. 9, 13–15.

⁵ См.: 1 Ин. 2, 8.

⁶ Мф. 3, 2.

⁷ Лк. 7, 30.

⁸ См.: Ин. 10, 34.

⁹ Лк. 20, 4–7.

¹⁰ Мф. 11, 18.

Неизвестно, как бы развернулись события дальше, так как царь Ирод скоро заключил Иоанна в темницу. Но от этого книжникам и фарисеям не стало легче: почти одновременно с Иоанном появляется новый пророк — Иисус из Назарета, который доставил им неслыханные тревоги и терзания. Как только Он объявился, великое множество людей из всех концов страны тотчас устремились к Нему¹¹, ищут Его¹², ожидают Его¹³, а когда находят, то удерживают Его, чтобы не уходил от них¹⁴, считают Его подлинным, настоящим великим пророком¹⁵, слушают Его с услаждением¹⁶ и, забыв обо всем на свете: и о сне, и о еде¹⁷ — готовы слушать Его день и ночь¹⁸, прославляют за Него Бога Израилева¹⁹ и уже ставят вопрос, не есть ли это обещанный Мессия²⁰.

Перед книжниками и фарисеями со всей серьезностью во весь рост, так сказать, стал тот же вопрос: что это за новый пророк из Назарета, как к Нему относиться, от Бога ли Он или от человек? И вот со всех концов страны, из Галилеи, Иудеи и Иерусалима²¹ они устремяются к этому новому Пророку, устанавливают за Ним самое тщательное и неослабное наблюдение, неотступно следуют за Ним по пятам²², назойливо забрасывают Его всевозможными вопросами²³, изучают весь образ жизни Его и Его учеников, все их привычки. Скоро они приходят к выводу: Он обольщает народ²⁴, в Нем нечестивый дух, все Свои чудеса Он творил силою веельзевула, князя бесовского, Он не от Бога²⁵. Это, конечно, уже определенно яркая оппозиция Христу. Придя к такому выводу, можно было бы на этом и успокоиться, предоставив событиям их естественный ход. Ведь явился же некто Февда, а за ним Иуда Галилеянин, претендуя на роль Мессии, но оба они скоро погибли, а их затея потерпела полнейшее фиаско²⁶. Но не таковы были

¹¹ См.: Мк. 3, 7–8; Лк. 6, 17.

¹² См.: Лк. 5, 42; Мк. 1, 37

¹⁴ Лк. 4, 42.

¹⁶ Мк. 12, 31.

¹⁸ Лк. 19, 48.

²⁰ Мф. 12, 23.

²² Мк. 3, 2; Лк. 6, 7; 14, 1; Мф. 12, 1.

²⁴ Ин. 7, 2.

²⁶ См.: Деян. 5, 36–37.

¹³ См.: Лк. 8, 40.

¹⁵ Лк. 7, 16–17.

¹⁷ Мф. 15, 32.

¹⁹ Мк. 2, 12.

²¹ Лк. 5, 17.

²³ Лк. 11, 53.

²⁵ См.: Ин. 7, 12; 9, 16; 8, 48; Мк. 3, 30; Ин. 7, 12.

книжники и фарисеи — оппозиция их была неугомонная, деятельная, скоро перешедшая уже в настоящую агрессию: если вначале они еще указывают и *укоряют*²⁷, то потом уже *ропщут*²⁸ и приходят в бешенство²⁹ и, наконец, на своих совещаниях³⁰ постановляют, что этот Пророк из Назарета не должен жить³¹. За религиозные преступления те же книжники и фарисеи установили три рода кары. За самые легкие, как, например, скептическое отношение к авторитету книжников и фарисеев³², — отлучение от синагоги. Ни один правоверный еврей не смел входить ни в какие житейские отношения с отлученным. Это было, конечно, очень тяжело. За более тяжелые нарушения закона полагалась уже экзекуция: били или палками, или — чаще — кнутом, плеть которого свивалась из трех ремней от шкур трех нечистых животных (свиньи, осла и верблюда), давали сорок ударов без одного; апостол Павел подвергался этому наказанию пять раз³³. И наконец, за самые тяжелые преступления была установлена смертная казнь национальная, еврейская — побитие камнями³⁴. Христа евреи, то есть те же книжники и фарисеи, неоднократно намеревались побить камнями³⁵. Все дело, конечно, не в личностях Иоанна Крестителя или этого нового Пророка из Назарета. Книжники и фарисеи, надо отдать им справедливость, хорошо разобрались в создавшейся ситуации и в том новом религиозном веянии, носителями которого были <Иоанн Пророк и Христос>, в том Царстве Божием, о наступлении которого они вещали, вступить в которое, принять которое они с такой силой звали. Книжники и фарисеи все это решительно не признавали, все это целиком отрицали. Они достаточно сведущи, чтобы не поддаться соблазну³⁶, только круглые невежи в религиозных делах, только этот <обманщик> — будь он проклят³⁷, увлекается всем этим. Такова была занятая книжниками и фарисеями позиция в этом вопросе. И это тем удивительнее, что если книжники и фарисеи настойчиво всем и всюду твердили, что они Мо-

исеевы ученики³⁸, то есть что они до последнего всецело верны ему и крепко стоят на страже синайского закона, то и этот Пророк из Назарета также настойчиво внушал всегда всем Своим ученикам и слушателям: «*Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить их пришел Я, но исполнить*»³⁹. Что может быть чище, возвышеннее, лучезарнее⁴⁰ Евангельского благовестия, и, казалось бы, что кому-кому, а книжникам и фарисеям первым тотчас следовало бы стать в ряды учеников Христа, принять в руки финиковые вайи и вместе с другими от всего сердца петь: «Осанна Сыну Давидову!» Но вместо этого — терновый венец и дикие вопли: «Распни, распни, Его!» Будучи учениками Моисея, они в конце концов превратились во врагов благовестия⁴¹. Конечно, это трагедия, величайшая трагедия, какую знает история и которая причиняла святому апостолу Павлу такую печаль и мучение⁴².

Как же это могло случиться?

В VI веке до Рождества Христова над Иудеею стряслось колоссальное национальное бедствие: царь Вавилонский Набукудур-риусур, или в греческой передаче Навуходоносор, выведенный из терпения двуличной политикой владык Иерусалима, решил сразу покончить с Иудеей: овладел в 586 году Иерусалимом, разрушил город и храм, а всех жителей Иудеи переселил к себе в Вавилонию. Горю иудеев не было границ. *На реках вавилонских там сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе*⁴³, читаем мы в 136 псалме. Откуда и за что на голову народа свалилась такая беда, над этим вопросом усиленно начала работать мысль людей и очень скоро получила ясный и бесспорный ответ. Начиная от самого Моисея все пророки единодушно предупреждали евреев: если ты будешь верен Синайскому Завету, то спокойно будешь наслаждаться тенью своей смоковницы и пользоваться плодами своего виноградника, но если изменишь ему, то Господь наведет на тебя чужой народ, мускулы которого не знают усталости и мечи не дают зазубрины, и он рассеет тебя среди других народов, и будешь ты в посмешище и в

²⁷ Мк. 7, 2.

²⁹ Лк. 6, 11.

³¹ Ин. 11, 53.

³³ См.: 2 Кор. 11, 24–25.

³⁵ См.: Ин. 10, 31.

³⁷ Ин. 7, 49.

²⁸ Лк. 5, 30.

³⁰ Мк. 3, 6; Ин. 1, 47.

³² См.: Ин. 9, 34.

³⁴ Деян. 7, 57–59; 2 Кор. 11, 25.

³⁶ Лк. 11, 52; Ин. 7, 48.

³⁸ Ин. 9, 28.

⁴⁰ См.: 1 Пет. 2, 9.

⁴² Рим. 9, 2.

³⁹ Мф. 5, 17.

⁴¹ Рим. 11, 28.

⁴³ Пс. 136, 1.

презрение им. Искренно и глубоко почувствовал это еврейский народ. И ясно понял он, что единственный для него путь ко спасению — это путь назад, к Синайскому Завету. А осознав это, он тотчас смело, решительно пошел этим путем, радикально, без милосердия выметая из своего быта решительно все, что противоречило Синайскому Завету. Скоро события еще более убедили народ, как был правилен выбранный им путь: царь Персидский Дарий, занявший Вавилон, отпустил евреев на родину, разрешив им восстановить и город Иерусалим, и храм. Всякий был теперь глубоко и искренно убежден, что только в искренней преданности и верности Синайскому Завету его и счастье, и жизнь, и спасение. Припомнили о слове закона: *Проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона*⁴⁴. Итак, всегда его помнить, пусть он будет как повязка над глазами твоими, на руке твоей и знак на пороге дома твоего, всегда постоянно и везде исполняй его! Это стало императивным требованием момента и осталось таким и на все будущее время. Но на этом пути еврейский народ поджидала большая опасность. Уважение перед Моисеевым законом, или, как тогда говорили, «Торой», скоро перешло в благоговение, а благоговение — просто в своего рода обожествление. Тора — это нечто такое высокое, святое, имеющее абсолютное значение, что Сам Господь на небе подчиняется ей, строго соблюдая и субботний покой, и все прочие ее требования. Тора стала выше Иеговы.

Но чтобы безупречно исполнять закон, надо было, конечно, досконально и безошибочно знать все требования его. Это единственная гарантия избежать нарушений его, а вместе — и гнева Божия. И вот появился целый класс людей, отдавших все свое время, посвятивших все свои силы и способности делу изучения закона. Они получили кличку книжников, законников, также раввинов. В это дело они вложили колоссальный труд: чтобы избежать искажений при переписке закона, они сосчитали количество отдельных сентенций, количество отдельных букв, точно установили, где и какой знак препинания и т. д. Шло, конечно, изучение закона и с точки зрения содержания его. Установлено было, что в нем содержится 618 положительных заповедей (делай это,

⁴⁴ Втор. 27, 26.

делай то) и 618 отрицательных (не делай этого, не делай того и т. д.). Конечно, этим нельзя было ограничиться, надо было точно знать, чего надо остерегаться, чтобы не нарушить любую из этих многочисленных заповедей, равно как и что делать, чтобы безукоризненно исполнить ее. Неудивительно, что каждая из этих заповедей, в свою очередь, обросла целым ворохом толкований, которые неудержимо росли и росли. Это и есть те предания старцев, в нарушении которых книжники и фарисеи постоянно упрекали Христа. Предания старцев приобрели огромное значение. Им дали кличку «забора» вокруг закона, забора, который гарантировал вас от всякого нарушения закона. Можно было не знать закона, но зато, выполняя все предания старцев, конечно, быть образцово верным закону; с этой точки зрения предания старцев стали, пожалуй, впереди, важнее самого закона. Как закон стал выше Иеговы, так предания старцев — выше самого закона. На страже предания старцев стояли фарисеи. Мы уже замечали, что наращивание этих преданий старцев шло неудержимо; это были те тяжелые и неудобноносимые бремена⁴⁵, которые книжники и фарисеи возлагали на плечи людей и разобраться в которых простому человеку было просто невозможно. Когда мы читаем в относящейся к теме литературе, что книжники и фарисеи в это время были мозгом, нервами и кровью еврейского народа, что еврей в это время буквально тонул среди этих бесконечных и самых мелочных указаний и требований и шагу не мог ступить без книжников и фарисеев, то в этом нет ни капельки преувеличения — так оно и было.

Уже из вышесказанного можно видеть, что развитие религиозной мысли у еврейского народа после вавилонского плена пошло по чрезвычайно странному, ненадежному, чтобы не сказать — неблагополучному пути. Чтобы еще яснее представить себе это, возьмем несколько конкретных образцов преданий старцев и проследим ход развития их. Христа очень часто укоряли в том, что Он и Его ученики едят, не умывши рук. Да, это требование Моисеева закона. Но если вы представите себе настоящий юг с его крайней бедностью на воду, то, конечно, легко можете себе представить, как иной раз бывает трудно найти

⁴⁵ Мф. 23, 4.

необходимое количество воды, чтобы по-настоящему помыть руки. Не смущайтесь особенно, говорят книжники, вы не нарушите закон, если ограничитесь тем, что, зачерпнув чуточку воды одной рукой, потрете мокрой рукой и другую. Но если идет морось, а тем более дождь, то можно просто выставить наружу руку, пусть ее смочит дождь, и потом потереть о другую; но если и этого нет, просто <плюньте> себе в руку, потрите, как бы мыли их, и все будет в порядке. Закон вы исполнили! Или вот еще: если в ваш сосуд попадает что-нибудь дохлое, сосуд становится трэф, то есть ритуально нечистым, негодным для употребления, его остается выбросить или разбить, следовательно, разбитый сосуд восстанавливает свою чистоту. Отсюда: если в ваш сосуд попала, скажем, сколопендра и, не успев выбраться, сдохла там, вам нужно только продырявить ваш сосуд и он, как уже дырявый, может быть снова пущен в дело, он чистый! Где же и какую надо сделать дыру? В дне и таких размеров, чтобы сквозь нее прошел абрикос; другой <книжник> поправляет — достаточно, если <нрзб.> будет достаточно, если даже горошинка; что касается дна, то дыру можно сделать и не в дне, а, скажем, где-нибудь в боку. Новый раввин добавляет: можно, конечно, в боку и где-нибудь повыше, а еще новый заключает: закон будет не нарушен, если вы эту дырочку сделаете в самом ободке сосуда. Итак, если ваш сосуд стал трэф, нечистым, возьмите шило и проверните сверху в самом ободке сосуда небольшую дырочку, сделайте его дырявым, и он снова станет ритуально чистым, и вы закон не нарушили.

При таком бездушном, формальном, чисто казуистическом обращении с законом, конечно, в действительности и речи не может быть о настоящем, честном его исполнении, это обход его, устранение его, о чем так часто говорят нам Евангелия. Вот поэтому мы и читаем в Евангелии, что книжники и фарисеи оставили закон Божий, устранили слово Божие⁴⁶, что хотя они и учителя народа, но они уже не от Бога⁴⁷, что они слепые вожди⁴⁸. Вот эта-то система религиозно-нравственного воспитания народа, этот цикл религиозно-нравственных понятий,

⁴⁶ Мк. 8, 8—13.⁴⁷ Ин. 8, 47.⁴⁸ Мф. 23, 16.

которые практиковали книжники и фарисеи с упорством непримиримых фанатиков и являются той правдой и той праведностью, о которой Христос говорил Своим слушателям: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»⁴⁹.

Книжники и фарисеи были только внешними хранителями Моисеева закона и не обращали ни малейшего внимания на внутренний смысл его, на его толкование и изъяснение, и поэтому неудивительно, что между праведностью книжников и праведностью евангельской легла такая пропасть, что они потеряли даже способность понимать Евангельское благовествование, так как слово Христа не вмещалось в них⁵⁰. Разложив закон на тысячи самых мелочных, часто обрядовых требований, они произвели убийственную для истинной морали нивелировку этих требований: уплата десятины от кустика аниса стала так же важна, как и заповедь — любви Бога твоего всем сердцем твоим; отсюда и эти постоянные вопросы Христу — какая наибольшая заповедь в законе. И при этом само собой разумеется, что насколько возросло значение мельчайших чисто обрядовых предписаний, настолько же, конечно, было принижено, ослаблено, обезличено значение чисто религиозно-этических. Это говорит о полнейшей духовной слепоте этих вождей народа, отсюда и понятны слова Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи»⁵¹.

Было бы большой ошибкой разрешить себе полагать, что все это принадлежит уже истории, давно минувшим дням. О нет, — при чтении этих строк приходят на мысль слова немецкого поэта: «Es ist eine alte Geschichte, Doch bleibt sie immer neu»⁵² — «Это старая, но в то же время вечно юная история». Конфликт между книжниками и фарисеями и Евангельским благовестием имеет гораздо более глубокий характер и выходит за грани иудейской нации и данного отрезка времени. В самом деле, что такое Евангельское благовестие? Это голос

⁴⁹ Мф. 5, 20.⁵⁰ Ин. 8, 37—43.⁵¹ Мф. 23, 13 и дал.⁵² «Это старая история, но она всегда остается новой» (Генрих Гейне. Мастера русского стихотворного перевода. Л., 1968. Т. 1. С. 434). — *Примеч. ред.*

Божий⁵³, это проблеск чудного Божественного света⁵⁴. Это веяние окружающей нас вечности и бесконечности. А что такое те предания старцев, которые книжники и фарисеи полагали в основу всей религиозно-этической жизни заповеди, и учения чисто человеческие?⁵⁵ Ясно, что это один из эпизодов той вековой борьбы, которую мы видим на всем протяжении всей человеческой истории, борьбы между землей и небом, светом и тьмою, горним и нижним⁵⁶, духом и плотью, между грубым, косным человеком и окружающей его бесконечностью⁵⁷. Считая безумием те лучезарные высоты, на которые влечет его окружающая нас божественная бесконечность, человек, земля, плоть встречает все это диким воплем: «Распни, распни Его камнями и Голгофой!» Это судьба всех пророков, всех лиц, стоящих на высоком уровне религиозно-этических чувств и переживаний, и тысячу раз прав один из мыслителей, изрекший блестящую мысль: «Где великий человек раскрывает свои мысли, там и Голгофа»⁵⁸. Все те высоты, ослепительно лучезарные, которых достигла религиозно-этическая мысль, — это результат упорной кровавой борьбы, безмерных мук и терзаний. *Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*⁵⁹.

Но вместе с тем как мы должны быть счастливы, что все это мы понимаем, что во всем этом мы можем теперь отлично разобраться и беспрепятственно, радостно идти за Христом в истинное Царство свободы детей Божиих⁶⁰.

⁵³ См.: Ин. 7, 16.

⁵⁵ См.: Мф. 15, 9.

⁵⁷ См.: 1 Кор. 2, 14.

⁵⁹ Мф. 11, 12.

⁵⁴ См.: 1 Пет. 2, 9.

⁵⁶ См.: Ин. 8, 23; Кол. 3, 2.

⁵⁸ Афоризм Генриха Гейне. — *Примеч. ред.*

⁶⁰ Рим. 8, 21; Гал. 5, 1.